

Система против Любы, 14 лет

Ребенок погибает в тюрьме, потому что следователь никак не может доказать, что взрыв одной трети петарды — терроризм

Фото: Дмитрий Лебедев / Коммерсантъ

07:15, 20 февраля 2025,

Наталья Чернова

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Дело Любы поражает не только жесточайшим и бесчеловечным отношением к ребенку всей системы правопорядка — и следствия, и СИЗО.

В истории Любы собрались в один сюжет, с одной стороны, ее неподтвержденное ни одним фактом следствия «преступление», с другой — десятки должностных реальных преступлений от служителей закона и правопорядка в отношении ребенка.

Люба — не преступник, а оступившийся подросток. Уже 15 месяцев следствие прессует ее как закоренелого рецидивиста.

История с петардой

В ноябре 2023 года 14-летняя Люба (*имя изменено. — Н. Ч.*) купила петарду, разделила ее на три части и одну часть взорвала. Сняла видео, выложила в телеграм-канал, который был наполнен контентом о «Колумбайне»* и описывал случаи подросткового шутинга. Зачем она это сделала, она толком позже и сама объяснить не могла. Видимо, хотела вызвать интерес к себе. А для чего еще, собственно, совершают странные и нелогичные поступки подростки?

За некоторое время до этого она рассказала маме, что интересуется психологией, собирается учиться этой профессии. Особенно ей интересна подростковая психология. А в этом телеграм-канале общались ее сверстники на самые разные темы.

Самого взрыва (не сильного, все же треть петарды — не боевой заряд) она испугалась и остатки выбросила на помойку.

Через несколько дней за девочкой в школу пришли сотрудники

полиции. Потом был обыск в квартире, вызов с мамой в СК и арест.

Девочку увезли в федеральную Исправительную колонию № 1 в Дмитровском районе: там находится следственный изолятор (СИЗО) для несовершеннолетних.

В постановлении о возбуждении уголовного дела написано, что Люба,

«находясь в неустановленном следствием месте, вступила в группу мессенджера Telegram, в котором участники <...> пропагандируют девиантное поведение, суицид и массовые убийства как норму жизни и способ достижения своих целей. <...> Тем самым <...> стала участником международного молодежного движения «Колумбайн», которое в соответствии с решением Верховного суда РФ 2.02.2022 <...> **признано** террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории РФ. <...> Выполняя функции участника, <...> занималась пропагандой террористической деятельности указанной запрещенной организации, принимала непосредственное участие в проводимых обсуждениях ранее совершенных массовых убийств. <...> Кроме того, реализуя свой преступный умысел, <...> изготовила три самодельных взрывных устройства, которые в дальнейшем планировала использовать для совершения убийства двух и более неустановленных лиц из числа учащихся и сотрудников школы».

Наказание по статье «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» — до семи лет лишения свободы, максимальное наказание по статье «Организация террористического сообщества и участие в нем» — пожизненное лишение свободы. Ответственность начинается с 14 лет.

Несусветная Любина глупость была оценена органами правопорядка как полноценный, хорошо организованный акт терроризма.

Преступление Любы теперь надо было доказать. Время пошло...

В камере, где сидела девочка, ее соседками были еще три несовершеннолетних. С более очевидными, чем у Любы, проблемами с законом. Одна девочка снимала на камеру, как ее приятели (подростки) подожгли дом, в котором находилась пожилая беспомощная женщина. Вторая выносила и прятала вместе с отчимом труп бабушки, которую он убил. Третья заказала убийство родной матери. Об этом мне рассказала Ольга — мама Любы.

Люба в компанию не вписалась. Любу начали травить. Долго, изощренно и совершенно безнаказанно.

Но только спустя полгода, когда она оказалась в безопасном месте — психбольнице, девочка описала всё в заявлении в полицию:

«20 апреля мы, начиная с обеда, готовились к празднованию дня рождения. Катя ущипнула меня, после чего я в шутку, не желая никого обидеть, спокойно

ответила, что мне это неприятно. После чего все трое пытались заставить меня извиниться и утверждали, что я испортила им весь праздник. К вечеру очень злые все трое пытались словесно заставить меня окунуться головой в унитаз, так как я виновата в том, что испорчен праздник. Когда я ответила отказом, вышеуказанные лица затолкали меня в сторону двери, заломили мне руки и насильно окунули в унитаз. После чего Катя предложила всем помочиться в мою любимую чашку и этим облить меня. Остальные ее поддержали, и они это сделали. После сделанного эти лица плюнули в меня и облили маслом. После этого они угрожали, если я не извинюсь, сделать это снова. <...> Я сильно испугалась, извинилась. Они отрезали мне белые пряди на макушке, назвав эти действия оплатой за испорченный день». *(Заявление есть в распоряжении редакции.)*

В заявлении Люба описывает, как соседки заталкивают ее под койку, бьют головой о стену... Как одна из соседок спрашивает, нравится ли она Любе.

«Я так боялась, что если я отвечу отрицательно, то меня снова будут бить и издеваться, я решила отвечать ей взаимностью, хотя ничего такого я на самом деле не хотела. Примерно в это же время все трое заставляли меня показывать им гениталии...»

Девочка пишет, что весь май она ежедневно подвергалась

сексуализированному насилию. Ее принуждали к половым актам извращенного характера — насиловали предметами. Если отказывалась, угрожали избиением.

«Я не сообщала об этом в связи с сильной непристойностью произошедшего и моим (даже на настоящий момент) отвращением к этому. В связи с сильным стыдом и страхом. <...> Я понимала, что с ними я не справлюсь и что они сильнее меня, и смысла бороться нет. А если бы я что-то сказала сотрудникам, то есть администрации, то меня бы в камере убили, так как, когда все узнали, что они избивают меня, меня не перевели из камеры».

Люба пишет, что после того как ей продлили арест 16 мая, сокамерницы начали склонять ее к самоубийству. А когда она отказалась, стали угрожать, что сделают это с ней сами. И девочка совершила попытку суицида... Надо заметить, что о ее критическом психологическом состоянии предупреждала в своей отчетной записке педагог-психолог за три месяца до страшного события. Она отметила «ухудшение морально-психологического состояния ребенка до критического уровня. Навязчивые движения рук, тремор конечностей, характерные для невроза. Во время допроса захлебывалась слезами, на вопросы следователя ответить не смогла, допрос перенесен на неопределенную дату...»

Но и после самоповреждения Любу не отселили. У нее начался сильнейший нейродермит и фурункулез. Она перестала

спать — в страхе, что во сне ее убьют. Все лето прошло в непрекращающемся кошмаре и страхе за жизнь.

Лишь в сентябре Любу направили в институт Сербского для проведения медико-психиатрической экспертизы. Институт дал заключение: девочка нуждается в лечении в психиатрическом стационаре. Но ее опять отправили в СИЗО. Еще на полтора месяца. И только в ноябре ее перевели в психиатрическую больницу.

Люба там уже четвертый месяц. И это лучшее время в ее несвободной жизни.

Мама

Мы встречаемся с Ольгой вечером в небольшом офисе на ее рабочем месте. Она выглядит очень уставшей. Черный свитер, черные брюки, ни грамма косметики. Она сбивчиво начинает рассказывать всю историю этого несчастья — в подробностях, как будто сама пытается найти для себя ответ: а все ли она сделала, чтобы помочь дочери. Перечисляет инстанции, заявления, разговоры с должностными лицами — их так много набралось за эти 15 месяцев.

Ее главная радость — свидания. Свидания с дочерью — это островки жизни, за которые они обе держатся.

Самое страшное свидание было в июле. Спустя два месяца после попытки суицида. Ольга берет паузу, выдыхает: «Ее всю трясло, мелко-мелко, всем телом. И рот кривился безостановочно. Я ее

спрашиваю: «Люба, что? Как ты?..» А ее трясет... и слезы, слезы... Я ладонь к стеклу приложила, и она с обратной стороны тоже — и вот на этот миг только ее трести перестало. Мы не смогли поговорить. И после этого я ее два месяца не видела. Следователь отказывал...

Я не могу вам рассказать, как я с этим всем выжила до следующей встречи с ней. Это ад — не знать, что с твоим ребенком.

Вчера первый раз за этот год на свидании в психбольнице у нее улыбку увидела. Ну как улыбку... подобие. Мы сейчас к ней ездим по очереди со старшей дочерью. Почти каждый день. Я на машине, а сестра Любы на транспорте — три часа в одну сторону, три обратно ради 20-минутного свидания в присутствии медработника. Она ничего не просит, кроме книг и учебников. Ей неловко даже мелочью нас напрягать, поэтому я не знаю, чего ей хочется. Я когда в первый раз домашнюю еду ей привезла, то дала и приборы, чтобы она сразу поесть смогла. А она эти ложку и вилку увидела: «Мама, это наши? Из дома?» — и в слезы. Прижала их к груди.

Она только-только стала приходить в себя. У нее хороший лечащий врач, внимательный. Единственно, с чем мы были не согласны, — с тем, что ее надо было помещать в стационар закрытого типа. Это очень специфическое место. Из своего у Любы там только трусы и носки, все остальное казенное. Диагноз, тот, который я знаю, звучит как «ситуативное стрессовое расстройство».

Люба долго приходила в себя. Ее когда в ноябре сюда привезли, врач сказал, что ей нужно несколько дней провести в адаптационной палате. Но она там провела в итоге больше месяца — она не была готова выходить в общее отделение. Очень боялась людей.

Все это время она пыталась учиться. В СИЗО обещали, что дадут учебники, но не дали. Я ей передала энциклопедию для школьников, она по ней к экзаменам готовилась. Сдала в итоге. Ей сейчас очень важно учиться, она сама мне об этом говорит. Это ее спасает от мыслей и от той реальности, в которой она сейчас живет. В больнице она начала рисовать. Пока просто открытки.

Это может странно прозвучит, но психбольница для нее оказалась самым безопасным и комфортным местом. Ей взрослые пациенты помогают уроки делать, разговаривают с ней. Я когда ухожу, она к окну подходит и мне машет, и бывает, что какая-нибудь бабушка подойдет, обнимет ее за плечо и тоже мне машет. Там люди есть...

Я спрашиваю Ольгу о ее собственной жизни. Какая она теперь. Она долго молчит, слезы льются, она вытирает их, прижимая ладони к лицу, будто пытаюсь остановить.

«Я живу тем, что приеду к дочке и увижу ее. Своих планов в семье мы не строим. Единственный раз мы отлучились из дома, когда у мужа умирала бабушка.

Сначала мы пытались помочь следствию, а потом поняли, что нам все противостоят.

И не то что они нас выбрали из всех жителей России специально. Просто наша ситуация неудобна разным ведомствам, и поэтому они, защищая себя, противостоят нам.

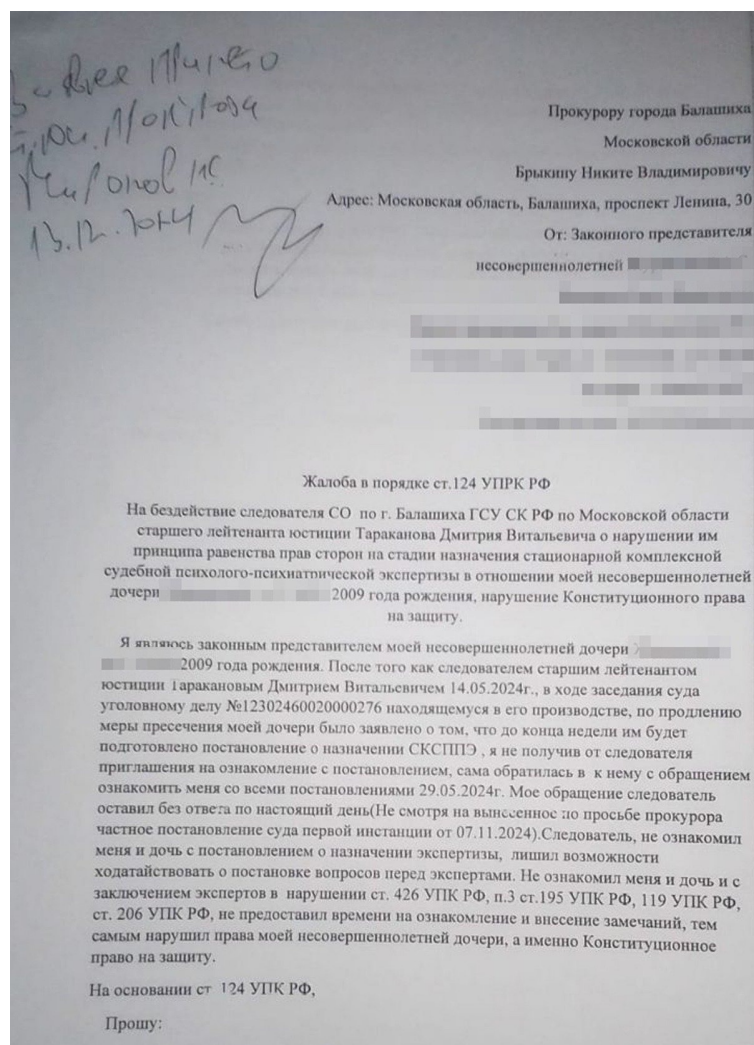
Я стараюсь не разрешать себе плакать и болеть. Потому что некому будет за нее бороться.

Я не принимаю успокоительное. Я все время за рулем.

Следствие идет...

...15 месяцев. На прошлом суде было известно, что за этот срок допросили 9 человек. Провели несколько экспертиз: взрывопиротехническую, психологическую, амбулаторную и стационарную. Это все.

Никаких эпизодов, доказывающих, что Люба занималась «пропагандой террористической деятельности, принимала участие в обсуждениях ранее совершенных массовых убийств и планировала с помощью изготовленных взрывных устройств устроить убийства неустановленных лиц», следствие не обнаружило.

Жалоба Ольги прокурору города Балашихи Московской области Брыкину Н. В. Фото: Наталья Чернова

Сообщников Любы не обнаружило тоже. И публичных призывов, и оправдания терроризма не выявлено.

О темпах следствия важно сказать отдельно. Любу арестовали 16 ноября 23-го года. Взрывотехническую экспертизу следователь назначил спустя три месяца. Ее итог был предсказуем: петарда, которую взорвала Люба, «взрывным устройством не является, для производства взрыва непригодно по причине большой доли невзрывчатых веществ в его составе».

По сути, экспертиза еще год назад подтвердила, что частью от петард, которые используют для массовых увеселений и которые можно купить свободно, убить человека нереально.

А два телеграм-канала, в которых она состояла, не были признаны террористическими, их заблокировали через несколько дней после ареста Любы.

Не найдя ни одного аргумента в пользу доказательств вины девочки, следователь уголовное дело не прекратил.

В марте следователь Дмитрий Тараканов получил частное постановление суда о том, что он нарушает требования статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ о разумном сроке уголовного производства. Следствие уже слишком затягивалось.

14 мая городская прокуратура еще раз направила руководителю следственного отдела города Балашихи требование о необходимости укладываться в разумные сроки.

И спустя еще полгода (!) — в декабре — результаты проверки прокуратуры установили, что по уголовному делу девочки

«допущена волокита, не приняты исчерпывающие меры к установлению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, что влечет за собой нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства».

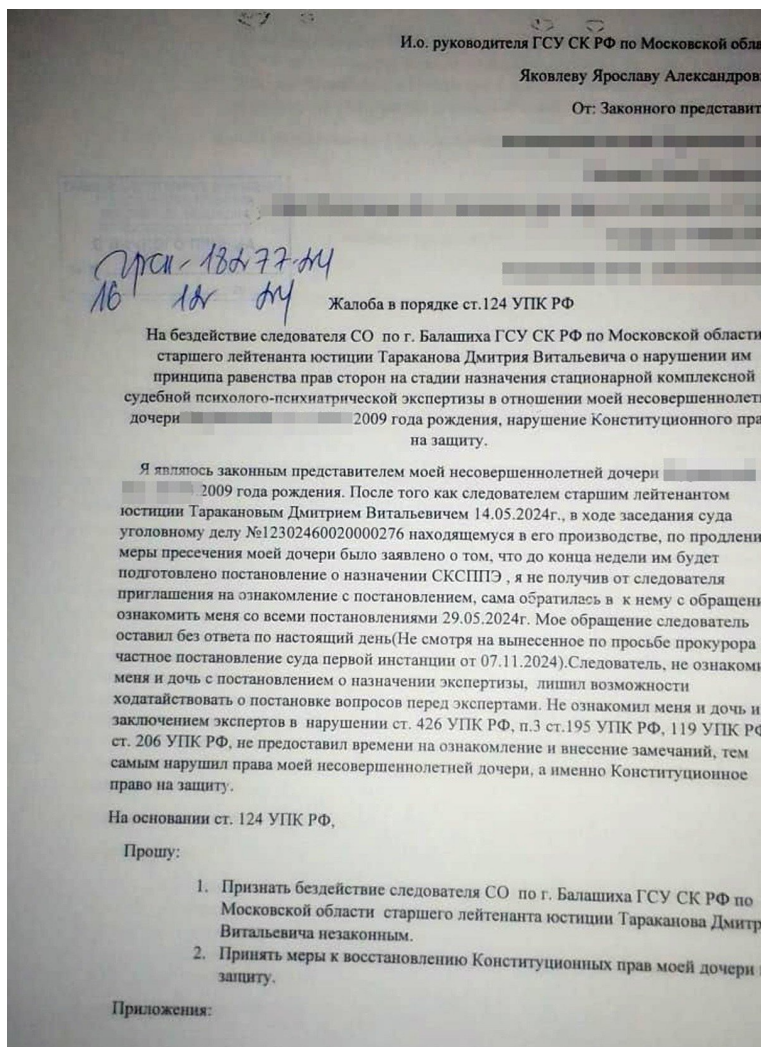
И тем не менее 15 января, в день образования Следственного комитета, Тараканов был награжден ведомством как «Лучший следователь городского следственного отдела СК России по Московской области».

Почетная награда нашла нашего героя в тот момент, когда его несовершеннолетняя подследственная, пережив месяцы насилия и попытку суицида, уже лежала в психиатрической больнице.

Беда девочки была в том, что ее не просто уничтожали морально и физически сверстницы, ее уничтожали в стенах исправительного заведения. А этот сор из избы никто из должностных лиц не хотел выносить. Более того — сам факт системного насилия в отношении девочки игнорировался.

Руководитель колонии в беседе еще в мае сказал Ольге, что в курсе того, что Любу систематически избивают, но ей «надо учиться налаживать отношения с людьми», видео от 10 мая, на котором Люба, голая, с табличкой унижительного содержания на шее, стоит на столе в камере и плачет, трактовалось администрацией колонии как «хулиганские побуждения» самой девочки. Администрация объявила Любе выговор, в переводе в другую камеру было отказано.

Жалоба Ольги и.о. руководителя ГСУ СК РФ по Московской области Яковлеву Я.А. Фото: Наталья Чернова

Ольга обратилась с заявлением об избиении дочери к следователю. Сначала Тараканов отказал, сославшись на то, что заявление нужно писать во ФСИН. Что совсем не так (согласно межведомственным инструкциям), это он должен был написать рапорт. Следователь также отказал в проведении медицинского освидетельствования девочки, поэтому ни удаленные на ее голове волосы кремом для депиляции (это сделали сокамерницы), ни рану на руке подтвердить невозможно. Ольга говорит, что даже спустя восемь месяцев после случившегося насилия девочку не осматривал ни гинеколог, ни проктолог. А общий медосмотр, который провели только спустя четыре (!) месяца, следов телесных повреждений не выявил.

«Тогда, в июне, на свидании я видела, что она была вся в расчесах до крови и фурункулах. У нее на нервной почве начался нейродермит. Но передать ей мазь и лекарства мне не

позволили, в СИЗО сказали, что у нее аллергия, ничего страшного...»

Еще в мае Ольга написала заявление в прокуратуру о бездействии СК. На запрос прокуратуры Тараканов ответил, что 21 мая направил результаты проверки по заявлению мамы об избиении дочери в УМВД России по Дмитровскому городскому округу Московской области. Но декабрьская проверка прокуратуры по заявлению Ольги полугодовой давности отрицает, что следователь присылал эти результаты. А заявление Ольги и вовсе не было зарегистрировано в СК.

И все же после проверки начальник отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, противодействию экстремизму и терроризму прокуратуры Московской области М.В. Никитин ответил маме, что руководство колонии «фактически самоустранилось от возложенных на них обязанностей по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся под стражей», в связи с этим в адрес руководства главного управления ФСИН по Московской области внесено представление.

Ольга рассказала, что все видеосвидетельства унижений и драк в камере СИЗО уничтожили, и поэтому дальнейшее разбирательство сложно вести. «Они дали отписки, что хранят их только 30 дней, но я их же закон открыла и прочла, что хранить должны от 30 дней и больше, а при наличии происшествия — до окончания разбирательства».

Через несколько дней после того, как Любе было отказано в переводе в другую камеру, она и попыталась покончить с собой. До этого девочки ей в красках рассказали, как сделают это сами, если она откажется от суицида.

И даже доведенной до края жизни девочке следователь Тараканов отказывает в домашнем аресте. Ольга говорит: «Я пыталась доказать ему, что она не может скрыться, что у нет ни денег своих, ни загранпаспорта. И что в нынешнем ее состоянии она на это даже физически не способна. Но он упорно настаивает, что есть риск, что она продолжит «заниматься террористической деятельностью».

Лучший следователь Московской области

В январском сюжете подмосковного телеканала «360» можно найти сюжет о награждении сотрудников следственных отделов области.

Дмитрий Тараканов. Кадр из видео

В кадре оператора — Дмитрий Тараканов как лучший следователь. Он похож на главного героя фильма «Последний

богатырь» — хорош собой, светел лицом и говорит на камеру очень правильные вещи:

«Расследование уголовного дела — это тяжкий и кропотливый труд, которым мы занимаемся ежедневно, ежечасно, двадцать четыре на семь. В кино такого не показывают. Это прекрасная профессия, мы помогаем людям и делаем всё, чтобы закон и порядок имели особое значение в нашей жизни».

В свои 25 лет Дмитрий Тараканов дослужился до звания старшего лейтенанта юстиции. А на своей странице во «ВКонтакте» следователь написал: «Милосердие — право сильных».

P.S. 13 февраля Любу перевели в закрытое отделение со спецрежимом психиатрической больницы. Там она пробудет до 5 мая.

СПРАВКА «НОВОЙ»

УФСИН по Москве: 90% попавших в СИЗО подростков обвиняются в терроризме

В 2023 году значительно выросло число несовершеннолетних, которые попадают в следственные

изоляторы (СИЗО), сообщила помощник начальника Управления по соблюдению прав человека в УИС УФСИН РФ по Москве Марина Васина. Она отметила, что в СИЗО стали чаще попадать подростки из благополучных семей, причем большая часть обвиняется по экстремистским и террористическим статьям.

* Признано судом террористическим движением, запрещено в РФ.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[17, 16, 14 — теперь это возраст «террористов» в РФ](#)

Силовики активно ловят подростков, получивших инструкции анонимных телефонных кураторов. Подборка за декабрь

13:02, 18 января 2025, Андрей Карев

[«Били кулаками по голове»](#)

16-летнего политзаключенного Арсения Турбина избивают в СИЗО и заодно поставили на учет как склонного к терроризму

17:11, 7 октября 2024, Андрей Карев

[Этот возраст в огне](#)

Три истории подростков, подозреваемых в поджогах «стратегических» объектов. И одна общая история ответной неадекватности государства

11:03, 2 декабря 2024, Виктория Артемьева